

смертной казни, но Елисавета Петровна смягчила судьбу своего бывшего великаго канцлера и опредѣлила сослать его въ одну изъ деревень его въ Можайскомъ уѣздѣ, по имени Горетово, съ оставленіемъ ему въ собственность недвижимаго имущества, съ тѣмъ, однако, чтобы съ него взысканы были всѣ казенные долги. Тамъ въ уединеніи прожилъ этотъ государственный человѣкъ, читая библію и совершенствуя изобрѣтенныя имъ капли, которыя онъ разсылалъ сосѣдямъ противъ недуговъ. Въ послѣдствіи Екатерина, помня, что онъ собственно за нее потерпѣлъ, освободила его съ большимъ почетомъ, отправивши къ нему курьера въ первый же день своего воцаренія. Признанныхъ его соучастниками — Штамбе выслали за границу, Бернади сослали въ Казань на житье, Елагина — въ его казанскую деревню. Одадунова наказали почетною ссылкой, назначивъ товарищемъ губернатора въ Оренбургъ.

Во время продолжительнаго нахожденія Бестужева за карауломъ, Екатерина оставалась въ самомъ ложномъ положеніи. Великій князь обращался съ нею холодно и даже презрительно. Императрица также сердилась на нее и не видалась съ нею. Наконецъ, Екатерина рѣшилась написать къ императрицѣ письмо по-русски, въ которомъ благодарила за милости, оказанныя ей съ ея пріѣзда въ Россію, но сожалѣла, что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное нерасположеніе императрицы, а потому просила положить конецъ ея несчастіямъ и отослать ее къ ея родственникамъ. Она просила продолжать попеченія объ остающихся ея дѣтяхъ, которыхъ и безъ того она не видитъ, несмотря на то, что живетъ съ ними подъ одною крышей: все равно для нихъ, если она будетъ жить отъ нихъ на разстояніи многихъ сотъ верстъ. Письмо это вручено было для передачи государынѣ Александру Шувалову, который потомъ словесно сообщилъ Екатеринѣ, что императрица назначитъ личное свиданіе съ великой княгиней.

Обѣщаніе свиданія было дано; но дни за днями проходили, а оно не исполнялось. Наконецъ, одна изъ служительницъ Екатерины, Шаргородская, посовѣтовала обратиться къ духовнику императрицы, а также и великой княгини. По порученію послѣдней, Шаргородская отправилась къ этому священнику, который приходился ей дядею. Духовникъ посовѣтовалъ Екатеринѣ ска-
заться больною и позвать его для напутствія. Она такъ и посту-

другихъ его тайныхъ преступленій и найденныхъ вредительныхъ замыслахъ странно изображать было бы излишне“. Мы не понимаемъ, о чемъ, собственно, здѣсь говорится.